И.А. Головнев*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ КИНО: «ТУМГУ» А.А. ЛИТВИНОВА

Данная статья, основанная на архивных материалах, нацелена на введение в научный оборот информации об этнографическом фильме «Тумгу» (1931) режиссера А.А. Литвинова как многослойном визуально-антропологическом документе. Автор рассматривает особенности киноповествования об эволюции этнического сообщества коряков Камчатки в период культурных и экономических преобразований в СССР на рубеже 1920-х – 1930-х гг., созданного в упомянутом фильме, в контексте специфики советского кинопроизводства и в связи с параллельными процессами в государственной национально-культурной политике.

Ключевые слова: этнографическое кино, визуальная антропология, «Тумгу», А.А. Литвинов, Камчатка, коряки

Ethno-cultural communities in ethnographic films: Alexander Litvinov's «Tumgu». IVAN A. GOLOVNEV (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography)

Based on archival materials the article focuses on the story of ethnographic film «Tumgu» (1931) directed by A.A. Litvinov as a multilayered document of visual anthropology. The author examines the features of the film narrative about the evolution of the Koryak ethnic community of Kamchatka during the period of cultural and economic transformations in the USSR at the turn of the 1920s and 1930s in the context of the specifics of Soviet film production and in connection with parallel processes in the Soviet national-cultural policy.

Keywords: ethnographic films, visual anthropology, «Tumgu», A.A. Litvinov, Kamchatka, Koryaks

История создания фильма

Рубеж 1920-х – 1930-х гг. явился периодом активного развития этнографического кино в СССР. Производство так называемых «культурфильмов» (включая этнографические) демонстрировало количественный рост, выделились студии, активно производившие культурфильмы – «Совкино», «Востоккино», «Культурфильм» и др. На это же время приходится и стадия качественных изменений в этнокино-

процессе, что выразилось в появлении полнометражных авторских фильмов о народах, когда в направлении этнокино работали ведущие кинодокументалисты страны – Дзига Вертов, В.А. Ерофеев, А.А. Литвинов и др.

Александр Аркадьевич Литвинов (1898–1977) по праву считается основателем отечественного этнографического кино. Он был первым профессиональным кинорежиссером, целенаправленно посвятившим себя созданию

* ГОЛОВНЕВ Иван Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

© Головнев И.А., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-59-23007.

этнографических фильмов. Особенностью его творческой методологии было обеспечение профессионального паритета кинематографии и этнографии в процессе производства этнокино: в своей работе он тесно сотрудничал с известным исследователем Дальнего Востока и писателем В.К. Арсеньевым. Результатами их со-творчества стала серия этнографических фильмов о дальневосточных народностях – удэгейцах, коряках, эвенках [1]. Причем роль В.К. Арсеньева не сводилась к позиции формального консультирования киноработ: он принимал деятельное участие в разработке маршрутов кинопоходов, в создании сценариев для съемок, в организации и снаряжении экспедиций. В частности, по архивным свидетельствам, именно В.К. Арсеньев стал инициатором организации киноэкспедиции «Совкино» на Камчатку. Сохранившаяся в арсеньевском архиве «Объяснительная записка», адресованная руководству студии «Совкино», где работала группа А.А. Литвинова, гласит:

«1/ Местом работы Совкино-экспедиции в 1929 году предполагается наименее исследованный уголок Охотского моря /залив Шелихова, Пенжинская губа и вообще весь Гижигинский район/.

2/ Этот район весьма богат наземными и морскими животными и птицами. В слоях торфа залегают кости ископаемых толстокожих /мамонтов/. Там можно наблюдать исключительные по грандиозности приливы, достигающие высоты в 12 метров, а во время отлигов берег оголяется на 25 километров.

3/ Население Гижигинского района составляют: ламуты /классические скитальцы по тайге и тундре/ и сидячие коряки, живущие в подземных жилищах. Последние славятся как хорошие китобои, причем на убой морского зверя они выезжают на кожаных байдарках и уходят иногда далеко в открытое море. Оленные коряки обитают в глубине страны. У них имеются табуны в 10–12 тысяч голов. Поразительное зрелище представляют выброшенные на берег животные, которых поедают миллионы птиц, множество песцов, лисиц, волков и других хищников.

4/ Пенжинский район не только никогда не снимался, но о нем нет даже сведений в литературе и поэтому каждый кадр является открытием, имеющим большое научное значение.

5/ Вышеперечисленный материал является фоном, на котором нужно создать изумительную кинокартину. Сейчас написать либретто по

многим причинам невозможно, потому что составление его и сценария является делом лиц, которые будут создавать этот фильм на местах. Сейчас можно дать только общие указания /редактирование и непосредственную консультацию/, как в гор. Владивостоке, так и у туземцев на местах. При этих условиях экспедиция достигнет наибольших результатов с наименьшей затратой денежных средств, времени и сил» (Архив Общества изучения Амурского края, далее – АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 21).

Национализация кинематографа способствовала концентрации управления всеми ключевыми процессами (тематическое планирование, производство, прокат) в руках единого продюсера – советского государства. И поскольку национальный вопрос был одним из ключевых в большевистской программе, то именно этнографическое кино было призвано стать средством массовой информации и агитации в направлении советизации национальных территорий нового многоэтничного Союза. Согласно директивам партии, в этот период все крупные киностудии получали в свой тематический план задания по созданию этнографических фильмов [2]. Поэтому начальство «Совкино» с интересом откликнулось на инициативу В.К. Арсеньева, и в конце 1928 г. был запущен масштабный дальневосточный проект кинофабрики – Камчатская киноэкспедиция во главе с режиссером А.А. Литвиновым, стартовавший из Москвы через Владивосток в Петропавловск-Камчатский. По воспоминаниям А.А. Литвинова, в краевом центре киногруппа вынужденно задержалась – для «консультаций» с местными партийными организациями, которые давали свои рекомендации относительно содержания будущих фильмов и прежде всего – по поводу показа роли партии в прогрессивных изменениях в жизни советской Камчатки [3]. После чего киногруппа направилась в полугодовую экспедицию вглубь *terra incognita*. В начале сентября 1929 г. на шхуне «Чукотка» киногруппа А.А. Литвинова покинула последний оплот цивилизации на Камчатке – Усть-Тигиль и выехала на север в Приполярную область для съемок двух фильмов: о коряках («Тумгу») и о ламутах¹ («Оленный всадник»).

Раннее наступление по-зимнему суровых температур застало киногруппу в пути. Изменившиеся погодные условия требовали климатической адаптации и новой экипировки, лучшим вариантом которой была одежда и обувь

¹ Устаревшее название современных эвенков.

коренных жителей Камчатки. Реализуя арсеньевский экспедиционный принцип максимального погружения в туземную культуру, киноработники с интересом пробовали местную пищу и переодевались в одежду местных жителей: «За два дня пребывания в Каменской фактории мы подготовились к работе в зимних условиях. Из шкур молодых оленей (пыжиков) местные мастерицы-корячки сшили нам кукули – спальные мешки. В фактории мы приобрели кухлянки, торбаса, малахай, меховые штаны и меховые чулки. Одним словом, экипировались» [3, с. 104].

В октябре 1929 г. киногоруппа приступила к съемкам фильма о коряках. К тому времени киногоруппа уже закалилась опытом съемок в местных условиях, работала слаженно и с полным пониманием своих обязанностей каждым из участников. Пока администратор И.И. Дорогов договаривался с коряками об очередных съемках, оператор П.М. Мершин и его помощник А. Приезжев упаковывали кассеты с пленкой в оцинкованные ящики, чтобы не промочить в пути, а режиссер А.А. Литвинов перечитывал и сверял с реальностью сценарий. В своем полевом дневнике А.А. Литвинов записал: «13 октября 1929 г. Пишу в палатке на берегу Пенжинской губы. Выше, на крутой сопке расположено корякское селение Орночек. Пуржит, холодно. Сидим у моря, ждем съемочной погоды, чтобы выехать на съемку охоты на нерпу (морские животные из породы ластоногих) ... 10 октября мой ассистент-администратор Дорогов договорился с коряками о поездке на аппапель (святой остров) снимать охоту на нерпу» (Государственный архив Свердловской области, далее – ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 25. Л. 1).

Во время съемок группе А.А. Литвинова часто приходилось сталкиваться с культурными табу местного населения. Так было, к примеру, во время съемок вышеупомянутой сцены охоты на нерпу на святом для коряков острове. Коряки не учитывали особенности работы киногоруппы, проведя охоту молниеносно, и литвиновцы попросту не успели ничего заснять.

В особых случаях А.А. Литвинов вынужден был прибегать к постановочным методам съемки. По воспоминаниям режиссера, только заранее согласовав с коряками специфические правила игры, киногоруппа сумела снять непростой эпизод: «Сегодня командовал охотой я. Коряки не возражали. «Не стрелять», – тихо сказал я. Укрывшись за большим торосом, мы начали снимать животных. Наконец, я разрешил при-

ступить к охоте. Оператор неотступно следовал за охотниками... Охота оказалась удачной не только для коряков, убивших около 20 нерп, но и для нас. Аппараты засняли весь процесс охоты» [3, с. 113].

Постановочная охота по-своему понравилась и корякам, добывшим много нерп, в то время как странные русские лишь целились, но не стреляли. Совместное проживание и преодоление трудностей в пути, проведение промыслов и отправление культов постепенно сближали местных охотников и приезжих кинематографистов, упрощая процесс киносъемки.

Вновь столкнуться с блокирующими суевериями киногоруппе А.А. Литвинова пришлось во время работы над сценой корякских похорон. Режиссер вспоминал: «Работа у коряк чрезвычайно затруднительна. То и дело натыкаешься на фразу «этого делать нельзя, это святое, а это грех», и так во многих случаях нашей съемочной работы. Повторить, инсценировать похороны возможно (у кинематографистов нет ничего невозможного), но очень трудно. Нужна большая и продолжительная дипломатическая работа, а посему напрягаем все имеющиеся в запасе силы (которые еще остались у нас после десятимесячного путешествия) – бежим... Погребальная процессия остановилась подле замерзшей речки, на высоком берегу. Прибежали вовремя. Несмотря на холод, сбрасываем кухлянки (оленьи дохи), готовимся к съемке... В тундре, подле замерзшей речки сожгут покойника – «первобытная кремация» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 25. Л. 4).

В дневниках А.А. Литвинова сохранился отдельный очерк под названием «Крематорий в тундре», посвященный описанию традиционных корякских похорон, выдержки из которого представляют как кинематографический, так и этнографический интерес: «Пришедшие коряки легко поднимают большие бревна на плечи и сносят к месту сожжения. Тут же стоит нарта (санки) с покойником, одетым в белую кухлянку и белые торбаса (меховые сапоги). Белый цвет – цвет печали и траура. У изголовья сидит женщина, родственница, только она одна по обычаю может присутствовать при сожжении. Жена остается дома. С крыши юрты смотрит, ждет, когда на горизонте закружится дым от костра – муж тронется тогда «в дальний путь»... Снимаем покойника, костер со всех сторон, со всех планов – материал не повторить... Но вот готов костер. Высота его почти в полтора человеческих роста. Нарту поднимают на верх

костра, снимают покойника с нарты, кладут на бревно. Нарту быстро убирают. Поджигают стружки, подкладывают под плавник. Пламя быстро схватило сухой плавник. Запылал костер. Молча сидят в стороне коряки, задумчиво глядят на горящий плавник. Только сын стоит у костра, устремив неподвижный взор на языки разгорающегося пламени, украдкой вытирает рукавом набежавшую слезу. Он не должен плакать – отец уехал в новую жизнь. Крутим, все крутим. Принесенный кустарник разбрасывают вокруг костра. Разбросанный кустарник изображает непроходимую тайгу, в которой умерший должен будет заблудиться, в случае если пожелает возвратиться в юрту. Не ждут пока догорит костер. Гуськом направляются к селению. Обратную дорогу путают, делая круги в одном месте, чтобы покойник, все же выбравшись из кустарника, не смог бы по следу прийти в селение. Крутим, все крутим с лихорадочной торопливостью, ибо коряки не ждут – «грех» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 25. Л. 7).

Во время похорон кинематографистам приходилось соблюдать все необходимые правила и выполнять обрядовые действия наряду с другими участниками церемониала: путать следы, перепрыгивать через преграды, параллельно снимая происходящее на пленку, – работать методом участвующей камеры.

Иногда для того, чтобы снять ценный материал, приходилось вынужденно «редактировать» местные традиции для киносъемок. Так было, к примеру, во время работ киногоруппы в селении Парень в конце октября 1929 г., когда необходимо было снять корякский праздник наступления зимы, сопровождавшийся ночным жертвоприношением лучших ездовых собак. Литвиновцы пошли на переговоры с местным лидером советской власти, чтобы тот попросил шамана провести обряд в светлое время суток. Конечно, для успешного достижения цели подобная необходимость требовала адекватного для корякской культуры обоснования. Корякский деятель Советов Хачелевин после разговора с шаманом Тутавой докладывал А.А. Литвинову: «Я так сказал Тутаве: “Зачем бьешь собак ночью? Так нехорошо. Бог ночью сидит наверху, смотрит вниз, ничего не видит. Темно. Не видит, какую собаку убил Тутава – плохую или хорошую”. Крепко думал Тутава и потом ответил: “Ты говоришь правду, Хачелевин. Об этом я не подумал. Всю жизнь бью собак ночью...” Потом я еще говорил ему: “Тутава, русские хотят смотреть, как ты хорошо бьешь для бога собак. Я

думаю, это можно, не грех. Пускай посмотрят, какой Тутава умный” [3, с. 142].

Получив положительный ответ, А.А. Литвинов и П.М. Мершин немедленно приступили к подготовительной работе. При консультативной помощи рекомендованного В.К. Арсеньевым этнографа К.Э. Баурмэна (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 15), работавшего в это же время в Парени, они составили монтажные листы, чтобы подробно проработать накануне киносъемки весь ритуал жертвоприношения. Такая раскадровка до съемки документального материала нужна была группе А.А. Литвинова для того, чтобы структурировать исходное событие, определить, какие моменты действия наиболее важны и как именно их лучше снимать, чтобы в процессе съемок не было излишней суеты и не пропал ни один ценный кадр. Это действительно дисциплинировало группу на съемках, особенно в моменты языческих жертвоприношений, первоначально непривычных для нетренированных нервов приезжих кинематографистов, но со временем становившихся привычными деталями экспедиционной реальности (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 29. Л. 98). К середине осени съемки фильма были завершены, и 20 ноября 1929 г. киногоруппа А.А. Литвинова покинула корякское селение Парень. В телеграмме А.А. Литвинов сообщал В.К. Арсеньеву об успешном завершении съемок среди коряков, а также о соблюдении намеченного графика и плана работ киноэкспедиции (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 20).

Полуторагодичная Камчатская экспедиция «Совкино» 1929–1930 гг. по части маршрутов явилась одной из самых длительных и сложных в истории советского кинематографа. Ее результатами стали четыре фильма: два обзорных экономико-географических очерка («Неведомая земля» и «Оживающий полуостров»), и два этнографических фильма – «Оленный всадник» (о ламутах) и «Тумгу» (о коряках) (рис. 1, 2).

«Камчатская сюита» – на лучших экранах страны

После окончания экспедиционных съемочных работ производство фильмов Камчатской киноэкспедиции было завершено в Москве в 1931 г. на кинофабрике, переименованной к тому времени в «Союзкино». Они были приняты Комитетом по кинематографии и сданы в госкиноархив. Тогда же состоялась всесоюзная кинопремьера так называемой (в прессе) «Камчатской сюиты» [4, с. 3]. Афиши призыв-

Рис. 1, 2. Кадры из фильма «Тумгу». Из фондов Государственного архива Свердловской области

но гласили: «На лучших киноэкранах страны!» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 42). Помимо прочих материалов, в архиве А.А. Литвинова сохранился и «Отзыв редакции журнала «Советский Север» на фильм «Тумгу»» следующего содержания:

«В картине даны сцены охоты на пушного зверя (белку, лисицу, песца), на морского зверя (нерпу) и сцены ловли рыбы всевозможными способами. В картине даны, между прочим, моменты внутреннего быта, характеризующие религиозные верования коряков (сцена с умершим, похороны его путем совершения первобытной кремации на костре и т. д.), показаны народные танцы, а также показан внешний и внутренний быт жилищ коряков. Во время зимы в эти жилища нужно спускаться через отверстие, служащее одновременно и дымовой трубой, и примитивной лестницей. Устройство над жилищем воронкообразных приспособлений вместо крыши вызывается необходимостью защиты их от заносов, метелей, пурги, и бурана. В картине даны сцены из жизни ярмарки, с показом рукопашной борьбы на морозе голых туземцев. Кстати сказать, эта сцена борьбы занимает настолько значительное место, что затушевывает отдельные стороны работы ярмарки... В картине даны небольшие моменты, характеризующие работу по советизации.

К сожалению картина совершенно не отображает классовой борьбы, не показывает классового расслоения и форм классовой эксплуатации. Очень слабо показаны и освещены успехи советского строительства. Будучи насыщенной бытовым, этнографическим и промышленно-производственным материалом, картина в то же время не имеет не только сюжета, но и центральной стержневой установки, вокруг которой можно было бы с успехом расположить этот богатый материал.

Тем не менее материал картины представляет большой интерес и ценность, дает широкую возможность для конкретного изучения хозяйственно-бытовых, производственно-промышленных условий и процессов из жизни коряков. Благодаря такому богатому материалу, изобилующему не только интереснейшими сценами из области охотничьего, рыболовного и морского зверобойного промыслов, он и видами и ландшафтами дальневосточной окраины, а также и показом внутренне-бытовой жизни коряков (их обряды, танцы, родственные отношения), кинофильм представляет и экспортную ценность, так как по своей насыщенной экзотике он пре-

восходит многие кино-картины капиталистических стран. От редакции журнала «Советский Север» – П. Устюгов» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 41).

Как видно, ведомственная цензура ждала и итоговый фильм, ведь госзаказчику были нужны идеологически выверенные кинопроизведения – для дальнейшего применения в образовательных процессах и с целью пропаганды советскости среди широких зрительских масс. В связи с вышеупомянутой ролью партии в создании этнокино исследовательский интерес представляет и методразработка для фильма «Тумгу» о коряках, сохранившаяся в архиве А.А. Литвинова, где помимо общих рекомендаций по применению данного этнофильма в образовательных мероприятиях и базовых сведений по этнографии коряков была подробно прописана идеологическая часть, включая ссылки на сталинские высказывания по национальному вопросу и «цитаты» основных линий советской национальной политики на национальных окраинах СССР. Ниже в статье, для трансляции максимально полного информационного эффекта, приводится полный текст данного уникального документа, за авторством режиссера:

«Методразработка для фильма «Тумгу». Редакция Методбюро сектора продвижения фильмов Союзкино. Москва. Политпросветфильма в 6 частях, 1700 метров, пр-во Союзкино. Разрешена ГРК для всякой аудитории сроком по 1/IV – 33 г. Выпуск 1931 г.

Тема. Советизация Дальне-Восточного края. Быт и занятия камчадалов, северной народности «Тумгу» (коряков).

Содержание. Дальне-Восточный край. Северо-Восточный угол Охотского моря. Пенжинский район Камчатского округа. Быт оленеводов-коряков – оседлых и кочевников. Жилище коряков, способы передвижения (собаки, олени, байдары). Охота на нерпу (морское животное). Болезнь и смерть оседлого коряка. Ритуал похорон и первобытная кремация.

Наступление весны, проснувшиеся звери, ход рыбы (кета) и приготовление людей к сезонной работе. Осень. Оленеводы, спустившиеся весной к устьям рек, снова угоняют скот в горы. Оседлые на больших лодках (байдарах), сделанных из кожи морского зверя (лахтака), приступают к охоте на нерпу.

Суровая приполярная зима сковала бассейн Пенжинской губы. Оседлые коряки встречают зиму жертвоприношением богу. Убивают ездо-

вых собак, а чтобы бог «заметил» жертву – вешают ее на кол над своей юртой.

Приступают к обычной зимней работе: кузнечному делу (коряки – группа Пойтоллоу).

Финал фильма – ярмарка приполярных людей. Сюда съезжается на оленях, на собаках, сходитесь пешком население Пенжинского района. На ярмарке устраивают олени бега, борьбу, всевозможные игры. На ярмарке работают медпункты, ветеринар. Впервые на ярмарке появляется радио, кинопередвижка.

Методические указания.

Фильму можно использовать для работы как со взрослой, так и со школьной аудиторией. И в том и в другом случае к политокружению фильма следует привлечь педагога-географа или обществоведа, который сопровождал бы фильму соответствующими пояснениями.

В фойе или в зрительном зале рекомендует организовать выставку. На выставке можно повесить карту Дальнего Востока, причем Камчатку выделить карандашом или флажками. Тут же поместить фотографии из фильма. Если имеется возможность достать из музея несколько экспонатов, например: меховую корякскую одежду, нарты (санки), байдару, юрты, жилище, изделия коряков и т. п. Макет санок, юрты, байдары могут сделать сами школьники под руководством педагога, по фотографиям фильма.

Перед демонстрацией фильма следует сделать небольшое вступительное слово на 15–10 минут.

Тезисы вступительного слова.

1. Географическое положение Пенжинского района – Северо-Восточный угол Охотского моря.

2. Оседлые коряки – приморские жители. Селения их расположены, главным образом, по устьям рек. Оседлые коряки живут на юге Камчатского округа и в северо-западной части Камчатского полуострова. Всего коряков по Камчатскому округу – 7 000 человек.

3. Основное занятие оседлых коряков – рыболовство и охота на морского зверя. Группа Пойтоллоу – оседлые коряки (селения Парень, Тылхой и Куял) занимается кузнечным ремеслом. Они славятся по всему Камчатскому округу, как самые искусные кузнецы.

4. Кочевники коряки-оленоводы. Вечно кочуют со своими стадами по району. “Оленевод, – как говорит известный путешественник и исследователь Дальне-Восточного края В.К. Арсеньев, – живет от оленей и для оленей”. Оленевод одевается в олени шкуры, шьет нит-

ками из оленьих жил, жилище его состоит из шкур оленя, питается оленивод олениной, и, наконец, единственный способ передвижения коряка-кочевника – те же олени.

5. Об эксплуатации и спаивании туземцев русскими в царское время.

6. Наша партия, ликвидировав политику насильственной русификации, с первых же дней Октябрьской Революции встала на путь создания национальных культур, на основе рассуждения национального, классового самосознания и культурно-хозяйственного подъема трудящихся туземных масс.

Еще на 10-м Съезде партии т. Сталин отметил, что «суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) национальностей, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении».

Основные задачи национальной политики в туземных районах крайнего севера заключаются в оказании политической, хозяйственной и культурной помощи. Задачи ленинской национальной политики обязывают для фактического установления равенства национальностей развить индустриализацию национальных окраин и социалистическую реконструкцию северного хозяйства.

Реконструкцию и рационализацию северного хозяйства, укрепление основной его базы – оленеводство, охоты и др. Промысловых отраслей – массового кооперирования колхозного и совхозного строительства, поднятие культурного уровня масс – все эти мероприятия разрабатывает 5-тилетний план северного народного хозяйства.

Основой 5-летнего плана является перевод всего хозяйства малых народов севера на социалистические рельсы, содействие росту национального самосознания туземных масс и развитие национальных культур: национальных по форме и пролетарских по содержанию.

7. В 1929 году в Пенжинском районе начали работать интегральная кооперация, государственные фактории. Появились стационарные и передвижные медицинские и ветеринарные пункты. В глухих местах стали работать кино-передвижки и радиоустановки.

Проработка фильма

После демонстрации фильма мы рекомендуем устроить проработку фильма с помощью во-

просов и ответов. Эти же материалы могут быть использованы для организации викторины.

1. Что означает слово «Тумгу»? – Слово «Тумгу», в переводе на русский язык, означает – человек. Так называют себя коряки.

2. Откуда взялось слово «коряки»? – В древние времена казаки увидели в Пенжинском районе людей с оленями и спросили их, кто они. Люди не поняли вопроса и, думая, что их спрашивают о животных, ответили: «коянга», что означает «олень». Казаки, переделав по-своему «коянга» на «коряка» стали называть тумгу коряками.

3. Как делятся коряки? – Коряки делятся на оседлых (нымеллоу) береговых жителей и на кочевников-оленоводов (чаучавау).

4. На чем ездят оседлые? – Зимой на собаках, летом по рекам на байдарках.

5. Из чего сделаны байдары? – Деревянный остов байдары покрывается кожей морского зверя (лахтак), причем вся обшивка остова производится с помощью ремней, жил, без участия гвоздей.

6. В каких жилищах живут оседлые? – В юртах, собранных из бревен.

7. Для чего сделана над юртой воронка? – Воронка служит одновременно дымовым отверстием и входом в юрту. Ветром снег всегда выметается из воронки и поэтому вход в дымовое отверстие никогда не покрывается снегом.

8. Чем занимаются оседлые? – Рыболовством, охотой, главным образом, на морского зверя.

9. Как хоронят оседлые своих покойников? – У коряков сохранился обряд первобытной кремации.

10. Чем занимаются оседлые коряки из группы Пойтоллоу, кроме охоты и рыболовства? – Кузнечным делом.

11. Как живут оленеводы? – Оленеводы-кочевники живут в ярангах, сделанных из шестов, покрытых оленьими шкурами. Они пасут свой стада и шьют из оленьих шкур меховую одежду.

12. Кому продают оседлые оленеводы свои изделия? – Продают в кооперацию и госфактории, где приобретают необходимые им продукты питания и промтовары.

13. Есть ли у коряков коллективы? – Коллективы появляются в настоящее время.

14. Есть ли у коряков письменность? – Нет. Сохранилось первобытное образное письмо, письмо-рисунки.

15. Существуют ли у коряков жертвоприношения? – Существуют: убой собак.

16. Оказывается ли корякам медицинская помощь и каким образом? – Существуют разъездные врачи, которые объезжают селения. В настоящий момент врачебный пункт работает при корякской центральной базе.

17. Где учатся коряки и есть ли у них школы? – Коряки учатся при культбазе, где строятся и коряцкая школа. Группа коряцкой молодежи учится в Пед. техникуме и Краевом Дальневосточном центре – гор. Хабаровске

22. Есть ли среди коряков классовое расслоение? – Классовое расслоение имеется, особенно среди кочевых, оленных коряков.

Наряду с безоленными бедняками есть кулаки, имеющие до тысячи и больше оленей. Есть и князьки, присвоившие себе, на основании своего имущественного превосходства, и административную власть. Эксплуатация безоленных развита у коряков. Среди оседлых классовое расслоение слабое. Однако, скупщики пушнины, частники, существуют до сих пор.

23. Какова у коряков религия? – Оседлые, крещенные в царское время русскими священниками, считают себя христианами, однако, соблюдают языческую обрядность. Кочевники – язычники: поклоняются силам природы, животным, особенным почетом пользуется волк – «слуга злого духа». Служители культа – шаманы – всячески тормозят культурный рост коряков» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 43–44).

По следам Камчатской киноэкспедиции

В настоящее время в Российском государственном архиве кинофотодокументов (г. Красногорск) хранится лишь один из четырех фильмов Камчатской киноэкспедиции А.А. Литвинова – обзорный экономико-географический очерк «Неведомая земля»². В него включены и кадры о жизнедеятельности коряков, очевидно, снятые для фильма «Тумгу». В силу ненадлежащей организации сохранения кинодокументов в ранний советский период многие ценные с различных точек зрения киноработы оказались утеряны. Но в настоящее время, благодаря исследовательским усилиям киноведов и историков, некоторые из них удается разыскать и идентифицировать³. В этой связи,

² Производство фабрики «Союзкино», Москва, 1931; хронометраж: 50 минут; немой, черно-белый.

³ Например, обнаруженный в 2015 г. в архивах культурфильм «Афганистан» (1929) другого классика этнокино, В.А. Ерофеева, считавшийся утраченным.

особое научное и общегуманитарное значение имеют архивные документы, свидетельствующие о содержании фильма «Тумгу».

Автор данной статьи начинал исследовательские поиски в Государственном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург), где хранится личный фонд кинорежиссера А.А. Литвинова. В нем, помимо вышеприведенных текстовых документов и нескольких фотографий из фильма «Тумгу», содержится переписка А.А. Литвинова и В.К. Арсеньева, в которой удалось обнаружить сведения о пересылке подборки фотографий от А.А. Литвинова В.К. Арсеньеву во Владивосток – в благодарность за содействие в организации Камчатской киноэкспедиции.

После ознакомления с фрагментированным временем архивом В.К. Арсеньева в Приморском отделении Русского географического общества (г. Владивосток) выяснилось, что папка с фотографиями и документами по Камчатской

киноэкспедиции, значившаяся в описи при передаче личного архива В.К. Арсеньева в архив Общества изучения Амурского края, в настоящее время считается утерянной.

В архиве Корякского краеведческого музея (пгт. Палана Камчатского края) автору данной статьи удалось обнаружить альбом, составленный из фотографий Камчатской киноэкспедиции А.А. Литвинова 1929–1930 гг. Он был передан музею в дар Корякским окружным комитетом КПСС в 1977 г. вместе с пятью фотоальбомами Пенжинской комплексной колонизационной экспедиции. В Паланском альбоме (рис. 3) – 87 фотографий (кадры стойбищ и жилищ, картины быта и культовых церемоний, природные пейзажи и портреты коряков), представляющих значительную исследовательскую ценность в связи с малым количеством визуальных материалов по данной киноэкспедиции (Корякский окружной краеведческий музей, далее – КОКМ. КП 721/87).

Рис. 3. Страница «Паланского альбома». Из фондов Корякского окружного краеведческого музея.

Судя по архивным документам и материалам советской периодической печати, несмотря на идеологическую цензуру, распространявшуюся и на кинематограф, и на этнографическую науку [6; 7], фильм «Тумгу», с одной стороны, представлял ценность с точки зрения этнографии, запечатлев особенности эволюции культуры дальневосточных коряков в начале XX в., с другой стороны – вызывал интерес у широкой зрительской аудитории, для которой подобные этнографические фильмы были единственной возможностью совершить кинопутешествие в отдаленные регионы и ознакомиться с экзотическими этнокультурами огромной страны Советов. Фильмов о культуре коряков, коренного малочисленного народа Дальнего Востока, до сих пор создано не много, тем актуальнее является продолжение исследований, разыскание и идентификация в архивах материалов, связанных с производством одного из первых кинодокументов по этнографии коряков – «Тумгу» А.А. Литвинова. Наконец, ценность киноопыта «Тумгу» заключается и в трансляции эффективной методологии соединения профессиональных ресурсов науки и искусства в процессе создания этнокино, которая, несмотря на повсеместное распространение так называемой «экранной культуры» [5], до сих пор не получила должного применения в современной исследовательской практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головнев И.А. «Лесные люди» А. Литвинова – феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 81–96.
2. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: ОГИЗ, 1931.
3. Литвинов А.А. В краю огнедышащих гор. Свердловск: Свердловское книжное изд-во. 1963.
4. Сергеев М. Земля неведомая. Новые фильмы о Камчатке // Кино. 1931. 18 сентября. С. 3–4.

5. Разлогов К.Э. Искусство экрана: от сине-матографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010.

6. Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX в. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998.

7. Тишков В.А. Наука и жизнь: диалоги с учеными. СПб.: Алетейя, 2008.

REFERENCES

1. Golovnev, I.A., 2016. «Lesnye lyudi» – fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino [«Forest people» – a phenomenon of the Soviet ethnographic cinema], Etnograficheskoe obozrenie, no. 2, pp. 83–98. (in Russ.)
2. Direktivi VKP(b) po voprosam prosveshcheniya [Directives of the All-Union Communist Party of Bolsheviks concerning education]. Moskva: OGIZ, 1931. (in Russ.)
3. Litvinov, A.A., 1963. V krayu ognedyshashchikh gor [In the region of fire-spitting mountains]. Sverdlovsk: Sverdlovskoye knizhnoye izdatelstvo. (in Russ.)
4. Sergeev, M., 1931. Zemlya nevedomaya. Novye filmy o Kamchatke [Unknown land. New films about Kamchatka], Kino, September 18, pp. 3–4. (in Russ.)
5. Razlogov, K.E., 2010. Iskusstvo ekrana: ot sinematografa do Interneta [The art of screen: from cinematography to Internet]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
6. Solovey, T.D., 1998. Ot «burzhnaznoy» etnologii k «sovetskoy» etnografii. Istoriya otechestvennoy etnologii pervoy treti XX veka [From «bourgeois» ethnology to «Soviet» ethnography. History of Russian ethnology of early XXth century]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN. (in Russ.)
7. Tishkov, V.A., 2008. Nauka i zhizn': dialogi s uchenymi [Science and life. Dialogues with scholars]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)